

Серая пятница

Габова Ирина

Ирина Ивановна Габова

Серая пятница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69150358

SelfPub; 2023

Аннотация

Тяжело жить в городе, который забирает жизни одного жителя за другим. Тяжело ходить в темное, мрачное метро каждую Серую пятницу, чтобы услышать Предсказание, которое может спасти жизнь. Тяжело жить, когда вас осталось так мало. Еще тяжелее верить в завтра.

Ирина Габова

Серая пятница

Мышь спешила мимо мрачных разрушенных домов. Она сегодня постаралась надеть самое темное и невзрачное платье. Пятничное серое утро только начиналось. Очень хотелось, чтобы хотя бы погода сжалилась над этим днём.

Пятницы в этом городе не любили. Хотя, и любить-то их особо было уже некому. Ведь мрачные предсказания сбывались именно в пятницу. Каблуки тихо постукивали по расстрескавшемуся асфальту, нарушая гробовую тишину брошенного города.

– Надо было выбрать не эту обувь. – Прошептала Мышь.

Ветер шелестел старой листвой. Где-то далеко каркали старые вороны. Мышь посмотрела на небо и тяжело вздохнула, и шевеля ушами, поежилась от холода.

– И выйти надо было раньше. – Ее шепот утонул в звуках шелеста листвы. – Нельзя снова опаздывать.

Мышь в черном платье скользила в тени высоких заброшенных домов, окна которых пугали своими щербатыми пу-

столами. Пустые машины, на которых потрескалась краска, напоминали о том, что когда-то улицы шумели и были живыми. Старые витринные вывески выцвели, и букв уже было не разобрать.

Она шла и думала о том, как страшно жить во времена живых Предсказаний. И почему именно пятницы? Почему не понедельник или вторник? А, может, логичнее было бы выбрать воскресенье?

Наконец, впереди показалась станция метро, буква М указывала на то, что путь подошёл к концу. Мышь стояла у старых ворот, и переминались с ноги на ногу. Темнота... Там внизу мрак, сырость и темнота, которая пугала сильнее, чем любое предсказание.

Тяжёлый вздох. Она толкнула двери, и они со скрипом отворились. Мышь обернулась, проверяя, не нарушился ли покой старого города этим звуком. Последний раз она взглянула на серое небо и двинулась в темноту.

Не только темнота пугала, но и запахи. Тут пахло сыростью и плесенью. Застоявшийся запах казался мертвым.

Чем дальше она шла, тем темнее становилось. Десять шагов вперёд, два поворота налево, пятнадцать шагов и начинаются ступеньки. Их всего 212.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... – Считала про себя Мышель. – Двадцать девять... Тридцать восемь... Пятьдесят четыре... Девяносто три... Сто тринадцать... Сто шестьдесят пять... Сто восемьдесят один... Двести... Двести двенадцать. Слава Предсказателю, всё. – Прошептала мышка.

Она прошла по гладкому полу, цокая каблучками, и эхо разлеталось по пустой станции. Девять шагов, поворот направо, 24 шага по платформе в полной темноте и она ухватилась за поручни лестницы. 6 ступенек вниз и рельсы. И снова она встала. Каждая шерстинка на ее теле дрожала от страха.

– Так, соберись. Соберись, тряпка. Вышла бы раньше, шла бы с кем-нибудь. – Прошептала она.

Да вот было бы с кем идти? Есть ли там сейчас хоть кто-то? Эти мысли пугали ещё сильнее. С каждой пятницей их становилось все меньше. После каждого предсказания приходило все меньше и меньше жителей этого города.

Она медленно переступила рельсу и пошагала по шпалам. Идти нужно было по темному туннелю до следующей станции. Где-то о пол стучали капли воды, цокот каблучков, ее тихое дыхание, эхо – только эти звуки нарушали тишину мерт-

вого метро. Страшно было до жути, но это лучше чем идти по поверхности в Серую Пятницу.

И все боялись выходить на поверхность, но жить тут, в темноте, не смея разжечь огонь, сидеть без еды и воды в полном мраке, было ещё страшнее.

На прошлой неделе Предсказание было таким: "Зелёному ковру нужна спящая. Останутся лишь те, кто не стал молчать. Не вдохнут воздуха те, кто ждёт у воды".

С каждым разом Предсказание было все туманнее и размытей. Со времен первого прошло двенадцать лет. И вот уже 12 лет, каждую неделю, в Серую Пятницу Мышлен спускалась в метро. Каждое утро пятницы было полным мрака, страха и ожидания.

На этой неделе она видела, как трава поглотила Котильду. И вспомнила слова: "Зелёному ковру нужна спящая". А на днях она помогла Врану вытащить из старого пруда Деда Лисура, который ловил рыбу. "Не вдохнут воздуха те, кто ждёт у воды" – Вран ругал Лисура, цитируя пророчество.

– Это же так понятно, зачем ты за рыбой пошел? – Сокрушался ворон.

– Да кто ж его знат-то, што они про рыбалку вещали! –

Дед фыркал и отплеывался от тины.

В общем, трактовать Предсказания становилось все сложнее.

Она много раз задавалась вопросами, которые роились в ее голове, как пчелы. Зачем она тут? Почему не ушла до сих пор? Сбываются ли предсказания там, в большом мире? Когда все это кончится? Что будет, если не станет того, кто сможет читать Предсказания?

Но ответов не было.

Уйти было страшно. Многие уходили, но возвращались назад, рассказывая жуткие истории о том, что видели там. Сложно жить, не зная, что произойдет завтра.

Когда шагаешь по темному туннелю, то живёшь ощущениями. Обостряются все чувства. Но есть два ощущения, которые помогают ориентироваться во тьме – ощущение пространства, и слух.

Туннель давит и сжимает тебя, словно тиски. Но стоит ему закончиться, то ты словно снова начинаешь дышать. В крошечной черноте это чувство особенно чувствуется. А звуки, в узком, но длинном помещении, грохаются о стены и убе-

гают эхом вдаль. В больших же залах эхо, словно, начинает петь.

Мышь только так и могла ориентироваться во тьме. Как только она ощутила, что давление ушло, и эхо стука каблучков гулко прокатилось по стенам, мышь выдохнула.

– Ох, ну всё. Хвала Предсказателю. Всё, всё, можно успокоиться. – Она ладонью нащупала конец стены, который утопал в проводах, и нашла лестницу. Снова 6 ступенек. 15 шагов и поворот налево.

Раньше можно было брать с собой свечи и фонарики, тогда путь не казался таким страшным. Но одно из Предсказаний гласило – "Только тьма спасет, только мгла убережёт, скроет, спрячет и оставит жизнь". После той пятницы в туннелях погибло 13 граждан. С тех пор, добраться до места сбора можно было только во тьме и по поверхности. Но Серая пятница плохой день, чтобы ходить там, наверху. Происходили жуткие вещи, которые даже объяснить было трудно. Те, кто решались идти верхом, редко доходили до станции. Хорошо если удавалось найти останки. Но город и так забирал все что мог.

От того и селились поблизости, чтобы быстро добраться до метро. И именно поэтому все ползли вниз. Прятались.

Ждали пророчества. Молились. И ждали субботу. А потом проходила неделя, и все старались соблюдать указания Предсказателя, чтобы в беду не попасть. И снова в пятницу утром, рано спешили вниз, во тьму. И так уже 12 лет.

Она опаздывала и это очень остро ощущалось. Надо торопиться. Мышь бросилась бежать наверх по лестнице.

– Хорошо, что тут не так много ступеней. – Шептала она. – Ах, я не начала считать. – Как только она об этом подумала, то ступеньки кончились, и она от неожиданности упала на пол.

Больно стукнувшись коленкой, она застонала, но заставила себя встать.

– Ладно, ничего страшного, все хорошо, ничего не сломала. – Мышлен вернулась к ступеням, успокоилась, нащупала ногой последнюю и начала считать шаги.

Всего 12 шагов вдоль стены и вот она дверь. Облегчение накрыло ее теплой волной. Дёрнув дверь на себя, она зажмурилась от света. Нет, он не был ярким, всего пара свечей и тусклый фонарик в маленькой комнате. Но для глаз, которые долго были во тьме, этого хватило.

Послышались испуганные крики, затем вздохи облегчения, тихие приветствия.

– Всем привет, Я не сильно опоздала? – Спросила она виновато.

– На молельню только не успела. – Прошептала старая Крысиния.

У мышки вырвался вздох радости.

– Ещё раз простите. – Но на нее уже никто не смотрел, все ждали.

Мышель обвела взглядом, бывшее когда-то подсобное помещение сотрудников метро, и не досчиталась семерых. Всего пришло 17 горожан. И такая горечь накатила, такая тоска. Сколько ещё пятниц осталось? Сколько раз прийти сюда, пока не останется никого? Город заберёт всех? А, может, и она станет следующей?

Дядя Сычук стоял спиной ко всем ожидающим, и молча смотрел на небольшое овальное зеркало, лежащее перед ним на столе. Проходили секунды, минуты... Ожидание сводило с ума.

Наконец зеркало покрылось рябью и засветилось тусклым зелёным цветом. Сычук, не двигаясь, стоял, и ждал, пока свет не поглотят его большие глаза. Когда сияние потухло, он медленно повернулся.

Каждую пятницу повторялось одно и то же. Спуск и поход по пустому тёмному метро. Темная каморка, молельня, с просьбами к Предсказателю прочитать только хорошие вести, и яркие зелёные глаза Сычука, да пророчество на его устах.

– Сегодня уйдет последний и с собою заберёт последнее. – Его глаза потухли. Сычук осел на пол, к нему бросились те, кто сидел ближе всего. Барсуний протянул ему стакан воды.

– И это все? Только одно? Это хорошо или плохо? Город заберёт одного или всех? – Послышались тихие вопросы. – Кто-нибудь может объяснить? Как дальше-то быть?

Да, умолкните вы! Как вороны! Извини, Вран, не хотел обидеть. – Буркнул Барсуний.

Вран хохотнул и просто кивнул головой.

– Дядь Сычук, ты как? – Барсуний хлопотал рядом с существом, похожим на большого сыча.

– Хорошо, все хорошо. Не тревожьтесь, сейчас все будет хорошо.

Однажды большой город проснулся и люди стали не людьми. Все изменились до неузнаваемости. Кто-то стал мышью, кто-то котом, кто-то лисой... Да, по прежнему все остались внутри самими собой, но тела покрылись мехом, шерстью или чешуей. Новая внешность пугала и рушила психику, ломала нормальность мира, нарушала законы физики и эволюции. Это не объяснялось ничем. Проверить в это тоже было сложно и невозможно. Тот день стал началом страшного хаоса. Все сошли с ума. Мир накрыло паникой, люди, а может уже и не люди, метались по городу, шарахаясь друг от друга. Перестало работать все. Никто не вышел на работу. Скорая, МЧС, полиция, телевидение, радио, связь, интернет... Все перестало работать без человеческих рук. Аварии, самоубийства, убийства. Это длилось несколько дней. Выжившие, а их становилось все меньше, сбивались в кучки, пытались разобраться с происходящим. Но объяснения не было никакого.

В последующие дни, те, кто мог, пытались наладить связь с миром, но безрезультатно. Мир вокруг молчал. Люди ринулись из города. Что с ними стало?.. Кто знает?

Спустя месяц горожане стали замечать странности. То

дом рухнет, то дождь пойдет, от которого шерсть облезает, то манекен кого-нибудь сожрёт. И это все происходило именно по пятницам. А на неделе, словно, круги по воде, как отголоски пятничных кошмаров, не так часто, но тоже происходили жуткие казусы.

И тут молва пошла о Предсказателе. Что в метро, на одной из станций неподалеку, собирает всех сыч. Он то и рассказывает о том, что должно случиться в ближайшее время. И самое главное, что он всегда угадывал. Никто сразу не верил в то, что он говорит, но месяц спустя в метро приходило все больше и больше народу. Сначала собирались в павильоне. Недолюдей было больше двух тысяч. Но город не жалел никого. Да и многие, все ещё, пытались бежать, и даже если возвращались, то не все. С каждым месяцем, годом проходящих было все меньше и меньше.

Теперь осталось 17. И тут такое Предсказание.

В комнате было душно, но дверь пока открывать не решались. То тут, то там слышались новости про прошедшую неделю. Делились увиденным. Всех давно перестало что-то удивлять. Чужая смерть стала привычным делом, странности города чем-то нормальным. Или все стали ненормальными?

А самое страшное, что каждый ждал того, что он следую-

щий. И при встречах смотрели друг на друга, как на избранных или, может, обречённых.

Мышлен достала из сумки плед, термос и бутерброды с помидорами. К ней подсел Вран.

– Как добралась? Чего опоздала? Я уже думал, что и тебя город...

Мышь покачала головой, молча наблюдая, как Дядя Сычук, придя в себя начал обходить, тех кто пришёл. Она протянула Врану бутер, открыла термос и разлила в пластиковые стаканчики кофе. К ним подседа тетя Крысиния, кофе досталось и ей.

– Я проспала. Вчера легла поздно, пришлось в новую квартиру перебраться. В моей старой рыжие пауки свили в одной из комнат огромную паутину. Там все в ней. Я пыталась убрать пакость, но они такие большие, что смотреть тошно. Один из них утащил тапки. Безобидные твари, но соседство неприятное. Скоро затянут всю квартиру. Проснусь ночь, а они меня сожрали. – Вран и Крысиния улыбнулись. – А она мне так нравилась. Первый этаж, до огорода недалеко, скважина рядом. До сюда всего один квартал пешком. Полдня искала новую, потом вещи таскала, убиралась.

Все грустно молчали. Каждый за 12 лет переехал не один раз. Город отвоевывал свое, вытесняя людей и питаясь ими.

– Что теперь с нами будет? – Мышлен вздохнула. – Я так устала. Иногда, так хочется надеть самое красивое платье и выйти в пятницу по городу погулять... В последний раз.

– Все мы здесь трусы. – Тихо проговорила Крысиния, обводя взглядом присутствующих. – Ждём своей участи и бежим сюда отсрочить ее

– А ну, оставили уныние. – Вран ругнулся.

К ним подошёл дядя Сычук. Его большие глаза смотрели на всех с такой заботой, но такой сильной усталостью, что хотелось его обнять.

– Ну, вы как тут? – прохрипел он сухим голосом.

– Все в порядке! Нормально! Сойдёт! – хором ответили трое.

– Ну и славно. Вот и славно. Да, славно. – И он двинулся дальше.

Обойдя всех, он вышел в центр комнаты. И воцарилась

тишина.

– Больше не ходите сюда! – Сычук сказал тихо, но слова прозвучали как гром.

Кто-то сдавленно пискнул, кто-то охнул. Раздались возгласы удивления и роптания, вскрики.

– Тише, тише, тише, мои хорошие. Тише. Про меня это сегодня было. Знаю я. К худу или добру, но знание мне было, что не станет меня, последнее было Предсказание. Не станет меня совсем скоро. А в зеркале моя сила была, да и она ушла. – Тишина была глухой. словно выкачали из мира все звуки. – Перестаньте прятаться. Доживайте в свете.

И тут начались рыдания. Крики, плачь. словно приговор для всех прозвучал. Мышель сидела, согнув ноги в коленях, и думала о том, что будет завтра, потом. А будет ли завтра? И будет ли потом? Страх не было, была обречённость.

Снова разговоры, вопросы. Но все знали, что Сычук сказал правду. Пару часов спустя приоткрыли двери, впустив воздух. Потом поели, кто, чем придётся. И снова разговоры. Так пролетела пятница.

Часов в 9 улеглись спать. Пару месяцев назад натаскали

сюда матрасов, лавочек, подушек, чтобы можно было провести тут ночи, без ночёвки на полу. Разлеглись, кто куда. Но сон долго не шел, слышались фразы шёпотом, кто-то ворочался...

Утро субботы выдалось тяжёлым. Все встали с плохим настроением и долго с друг другом прощались. Обнимали Дядю Сычука. Говорили, что будут скучать, что его будет не хватать. Расходились парами, а то и по трое. Снова темные туннели, снова эхо. Снова счёт ступенек.

Вран шел рядом с Мышлен, держа ее за руку. Из метро вышли молча. Свет ударил по глазам. Они долго стояли, пытаясь к нему привыкнуть. Яркое солнце окутало город. Заросший, похожий на джунгли, он сверкал остатками окон. Пахло дождем и влажной живой землёй.

Мышлен жадно выдохнула носом свежий воздух.

– Я хочу жить! Я хочу дышать! Вот так, без страха, каждый день, каждую минуту! – Она смотрела в маленькие черные глаза Врана. По серой, покрытой мехом щеке катились слезы.

– Я тоже. – Он ее обнял.

Так они и стояли. Долго. Молча. Обнимаясь.

И всю неделю город молчал. Не было смертей, не бились окна, не горели деревья...

Мышлен вышла из дома в пятницу утром и отправилась к метро. По дороге ее догнал Вран.

– Все-таки решила пойти.

– Угу. – Кивнула она.

– Я тоже, наверное, это привычка.

Вдвоем они добрались до станции, прошли по туннелю в темноте. На месте сбора были все. Все 17. Живы, здоровы, напуганы, но рады друг другу.

Дяди Сычука не было. Зеркало было разбито. У всех было ощущение, что они пришли на похороны. Что делать? Никто не знал.

Мышлен собралась уйти первой.

– Ты куда? – тетя Крысиния, схватила ее за руку. – Пятница же.

– Знаю. Но я устала. Это был последний мой приход сюда. Последний, может, из-за того что я следующая, а может, из-за того что больше не захочу прятаться. – Ее речь прозвучала тихо, но каждый услышал.

Она вышла молча. Не стала ни с кем прощаться. И снова ее догнал Вран. Взял за руку. И они отправились наверх. Темные закоулки метро больше не пугали.

Город встретил их пением птиц, жужжанием насекомых и ярким солнечным светом. И снова пахло дождем и землёй. И тогда Мышлен, наконец, поняла, что мир встал на место. Что больше не надо прятаться по Серым пятницам, не нужно сидеть во тьме пережидая страшные дни. Впервые за 12 лет ее накрыло покоем и ощущением что будет Завтра. Завтра без страха, без Предсказаний, что можно снова смотреть вперед, не шарахаясь от каждой витрины, не скрываясь в тени. Город насытился жертвами, и дал всем еще один шанс на новую жизнь.

Она повернулась к Врану и улыбнулась так широко, насколько могла. По серым, покрытым шерстью щекам скользили слезы.

– Ты это чувствуешь? – Спросила она у Врана.

– Да, Чувствую!